

Чжан Шуцзюань

(Шаньдунский университет, Китай)

Чжао Чэнбяо

(Тяньцзиньский университет коммерции, Китай)

РУССКИЙ ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЙ БО ЦЗЮЙИ В КОНТЕКСТЕ «ПОКАЗАТЕЛЯ ВОЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДА»

Аннотация: В данной статье системно рассматриваются переводы поэзии Бо Цзюйи, выполненные российскими китаеводами в разные периоды времени; для сложной оценки поэтического перевода используются термины «показатель вольности перевода» и «показатель точности перевода», предложенные русским литературоведом М. Л. Гаспаровым, а также анализируются степень соответствия разных переводов оригиналу. Больше всего стихов Бо Цзюйи было переведено в советский период, это были переводы Ю. К. Щуцкого, Б. А. Васильева, Л. З. Эйдлина, В. Ф. Перелешина. В современную эпоху российское китаеведение следовало традициям, заложенным В. М. Алексеевым. Китаеведы С. А. Торопцев и Н. А. Орлова продолжили переводить и издавать прекрасные произведения Бо Цзюйи. В статье указывается, что российские ученые придают большое значение воспроизведению рифмы, ритма, форме стиха и другим поэтическим приемам.

Ключевые слова: Бо Цзюйи, русские переводы поэзии Бо Цзюйи, показатель вольности перевода, рифма, ритм.

Zhang Shujuan

(Shandong University, China)

Zhao Chengbiao

(Tianjin University of Commerce, China)

TRANSLATIONS OF BO JUYI'S POEMS IN RUSSIA UNDER THE VIEW OF "LIBERTY RATE"

Abstract: This article systematically examines the Russian translation of Bo Juyi's poems by Russian sinologists in different periods and quantifies the evaluation of poetry translation by using the "measure of liberty" and "measure of accuracy" of Russian literary theorist M. L. Gasparov, through which we analyze the degree of relativity between different translations and the original works. The Soviet period was the period when Bo Juyi's poems were most translated, and there were translations by Ju. K. Shucki, B. A. Vasiliev, L. Z. Edlin, and V. F. Pereleshin. In the new era, Russian Sinology inherited the tradition initiated by V. M. Alekseev, S. A. Toroptsev and N. A. Orlova continued to translate Bo Juyi's poetry with frequent excellent works. The article points out that Russian sinologists attach importance to the reproduction of these factors of prosody, such as rhymes, rhythms, and verse in translating Bo Juyi's poems.

Keywords: Russian translation of Bo Juyi's poetry, the liberty rate in translation, prosody, rhyme, rhythm.

Бо Цзюйи — китайский поэт, который до сих пор пользуется популярностью в России. Кроме того, он всегда являлся объектом внимания советских китаеведов, таких как Ю. К. Щуцкий, Б. А. Васильев, Л. З. Эйдлин и В. Ф. Перелешин. Первые русские переводы Бо Цзюйи появились еще в Российской империи. А в современной России произведения этого поэта были переведены китаеведами С. А. Торопцевым, А. И. Кобзевым и Н. А. Орловой. Разные версии имеют свои особенности из-за отличий принципов перевода, которых они придерживаются.

1. ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ БО ЦЗЮЙИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Впервые стихи Бо Цзюйи были переведены на русский язык поэтом, переводчиком и журналистом А. П. Доброхотовым (1874–1918), который опубликовал стихотворение «Чужестранка» во втором номере «Вестника иностранной литературы» в 1910 г. В том же номере были опубликованы переводы стихотворений Ли Бо «Танец богов» и поэта, чье имя значилось как Ла Ксу-фенг. Естественно, эти переводы Доброхотовым были выполнены не с китайского языка. Он также переводил польского поэта Адама Мицкевича (1798–1855), венгерского поэта Петёфи Шандора (1823–1849) и немецких поэтов Генриха Гейне (1797–1856), Георга Гервега (1817–1875), Николауса Ленау (1802–1850), а также произведения других всемирно известных авторов. Поэт С. М. Городецкий (1884–1967) указывал на то, что переводы А. П. Доброхотова неточные и имеют «дурную легкость» [1, с. 144]. Если судить по тому, какие поэты со всего мира были отобраны Доброхотовым, то очевидно, что он рассматривал Бо Цзюйи и Ли Бо как поэтов мирового уровня, которых стоит переводить. «С оригинала его [Бо Цзюйи] отдельные строки прозаически перевел и опубликовал в магистерской диссертации 1916 года В. М. Алексеев» [2, с. 643]. До 1920-х годов имя Бо Цзюйи было практически неизвестно русскому читателю.

2. ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ БО ЦЗЮЙИ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Русский перевод поэзии Бо Цзюйи в основном был выполнен Л. З. Эйдлиным (1909/1910 — 1985), научным сотрудником Института востоковедения РАН; он опубликовал пять сборников стихотворений Бо Цзюйи. Среди них «Бо Цзюйи-и. Четверостишия» (1949) — самый ранний в истории советского китаеведения сборник стихов одного поэта, переведенный и изданный китаеведом. Кроме того, Ю. К. Щуцкий (1897–1938) и Б. А. Васильев (1899–1937), два ученика основоположника советского китаеведения В. М. Алексеева (1881–1951), также переводили произведения Бо Цзюйи.

«Пипа», «Песнь о вечной тоске» — это самые известные произведения Бо Цзюйи, именно с них начали перевод стихов поэта русские китаеведы. В 1923 г. Ю. К. Щуцкий опубликовал свой перевод под названием «Лютня» в «Антологии китайской лирики VII–IX вв.», а в 1929 г. — в журнале «На рубеже Востока», в 2000 г. в переизданном сборнике «Дальнее эхо: Антология китайской лирики

(VII–IX вв.)» был опубликован полный текст поэмы Бо Цзюйи, а также четыре ранее не опубликованных перевода стихотворений, выполненных Щуцким: «У прудка», «Печаль в гареме», «В гареме», «На прудке». Б. А. Васильев самым первым перевел «Песню о бесконечной тоске» и опубликовал стихотворение в первом номере сборника «Восток. Литература Китая и Японии» в 1935 г., поэма была снабжена предисловием и комментариями переводчика. При жизни Васильев также перевел и другие восемь стихотворений поэта: «В осенний дождь (посвящая Юань Цзю)», «Пусть я стар», «Весна в Чанъане», «На Цюй-цзяне вспоминаю Юань Цзю», «Ночной снег», «Снежная ночь», «Белые цапли», «Лютяня певичцы». Все они были впервые опубликованы в хрестоматии «Китайская литература» под редакцией Н. И. Конрада (1891–1970).

Л. З. Эйдлин был самым известным переводчиком и исследователем поэзии Бо Цзюйи в Советском Союзе, а его кандидатская диссертация называлась «Четверостишия Бо Цзюй-и» (1942). Всего он выпустил пять сборников переводов стихов китайского поэта: «Бо Цзюй-и. Четверостишия» (1949 и переизд. 1951), «Бо Цзюй-и. Стихи» (1958), «Бо Цзюй-и. Лирика» (1965), «Бо Цзюй-и. Стихотворения» (1978). В сборнике «Бо Цзюй-и. Четверостишия» опубликованы переводы 148 стихотворений, большая часть из которых — именно четверостишия, например: «Поздней осенью», «Персиковые цветы в храме Далинь», «Цветок не цветок», «Окно на озере» и другие, всего 137 четверостиший. Кроме того, опубликованы три стихотворения из цикла «Циньские напевы»: «В тонких одеждах на сытых конях», «Песни и пляски» и «Покупаем цветы», а также «Дракон черной пучины», «Дулинский старик» и «Старый угольщик» из цикла «Новые юэфу». Совершенно очевидно, какое место занимал этот труд в истории переводов китайской классической поэзии в России. Такие ученые, как В. Александров и Ф. Терновский, писали свои рецензии на книгу Л. З. Эйдлина, а в 1950 г. В. М. Алексеев опубликовал свой отзыв на перевод Л. З. Эйдлина в пятом томе «Советской книги». В 1958 г. Лев Залманович впервые опубликовал свой перевод поэм «Вечная печаль» и «Пипа» в книге «Бо Цзюй-и. Стихи», а позднее поместил их в книгу «Китайская классическая поэзия в пер. Л. З. Эйдлина», опубликованную в 1975 г. Возможно, из-за того, что эти две поэмы слишком длинные, они редко встречаются в сборниках поэзии более позднего периода. Всего Эйдлин перевел более 500 стихотворений Бо Цзюйи, что довольно много для мировой истории перевода китайской поэзии. И Васильев, и Эйдлин давали свой перевод «Весны в Чанъане», а Щуцкий и Эйдлин оба переводили поэму «Пипа». Прежде чем анализировать их работы, сначала надо сказать о талантливом ученике В. М. Алексеева, которого академик особенно уважал, — о Б. А. Васильеве.

Б. А. Васильев родился в 1899 г. в Петербурге. В 1918 г. он поступил на Восточный факультет Петербургского университета и стал учеником В. М. Алексеева. В 1921 г. начал работать в Азиатском музее и одновременно — в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока. В 1924 г. во время работы в Ленинградском институте живых восточных языков Васильев был командирован в Китай в качестве секретаря Генконсульства, а затем — секрета-

ря военного атташе. В 1927 г. он вернулся на Родину и через год начал работать в Ленинградском государственном университете, в 1935 г. получил должность профессора, в том же году ему была присуждена ученая степень кандидата наук. В 1937 г. Б. А. Васильев был арестован и приговорен к высшей мере наказания.

Еще в студенческие годы Б. А. Васильев показал незаурядный талант будущего поэта, переводчика и исследователя. В. М. Алексеев однажды «отметил в дневнике появление «двух талантливых юношей-поэтов»² и с ходу стал разрабатывать для них особые поэтические программы» [3, с. 133]. В первый же год после окончания университета — в 1923 г. — Васильев опубликовал свое стихотворение «Синдбад» в статье «Арабы и персы в русской поэзии» в третьем выпуске «Востока». Среди его переводов классической китайской литературы — «О том, как Юй Бо-я, лютню разбив, простился с “понявшим звук”» (1924), «Древние источники Ляо-чжая» (1931), «Повесть о прекрасной Ли» (1935) и др. В том же сборнике «Восток», где была опубликована «Повесть о прекрасной Ли», также был размещен перевод поэмы Бо Цзюйи «Повесть о бесконечной тоске». Достоинно восхищения, что Б. А. Васильев также создал на основе этой поэмы масштабную лирико-историческую драму, наполненную китайской поэтичностью — «Песнь о великой любви». Хотя это была его первая попытка создать произведение на китайскую тематику, оно было принято Александринским театром и подготовлено к постановке, но, к сожалению, драма так и не была поставлена. В самом начале своей карьеры Васильев изучал китайский классический роман «Речные заводы», а его докторская диссертация носила название «Роман “Шуй ху”, его роль и значение в китайской литературе». Круг интересов Б. А. Васильева был широк: он занимался изучением литературы, драмы, современного языка, этнографии, народной литературы дунган. Он является автором таких статей, как «Китайский театр» (1929), «Театр современного Китая» (1930), «Иностранное влияние в китайской литературе эпохи империализма» (1932), «За или против латинизации?» (1932), «Левый фронт в китайской литературе» (1934), «Китайский классический театр: На спектаклях Мэй Лань-фана» (1935) и др.

Рассмотрим четверостишие Бо Цзюйи «Весна в Чанъане» в переводе Б. А. Васильева и Л. З. Эйдлина.

Оригинал

青门柳枝软无力，

东风吹作黄金色。

街东酒薄醉易醒，

满眼春愁销不得。

Перевод Б. А. Васильева

У «Врат лазурных» ветви ивы

Опять бессильны и нежны...

Восточный ветер прихотливый

Разносит желтые цветы.

Вино здесь слабо... Хоть пьянею,

Нетрудно мигом отрезветь.

Глаза ж полны тоской весенней...

Ее не в силах одолеть.

² Первый — Б. А. Васильев, а второй — Н. А. Невский, реконструировавший язык государства Си Ся. Однако позднее Невский стал больше заниматься Японией.

Оригинал	Перевод Л. З. Эйдлина
青门柳枝软无力，	<i>Ветви ивы в Цинских воротах мягко никнут без сил.</i>
东风吹作黄金色。	<i>Ветер восточный, повеяв, тронул желтым золотом их.</i>
街东酒薄醉易醒，	<i>Здесь, в предместье, слабые вина — выпив, легко трезветь.</i>
满眼春愁销不得。	<i>Встретившей взор мой грусти весенней нам не унять ничем.</i>

Российский литературовед, академик М. Л. Гаспаров (1935–2005) предложил такие концепции, как «показатель вольности перевода» и «показатель точности перевода». Под «показателем точности» подразумевается соотношение слов в переводе, которые следуют за оригиналом, и общего числа оригинального текста, а под «показателем вольности» — соотношение добавленных или непереведенных слов и общего числа слов перевода. Чем выше «показатель точности», тем ближе перевод к оригиналу, а чем выше «показатель вольности», тем шире разрыв между переводом и оригиналом. М. Л. Гаспаров уделяет особое внимание степени соответствия перевода оригиналу; каким бы хорошим ни был перевод, о нем невозможно говорить, если он не берет за отправную точку оригинал. Поэтому Гаспаров, опираясь на статистический принцип, предложил эти два термина: «показатель вольности перевода» и «показатель точности перевода»; он оцифровывает критерии точности поэтического перевода, тем самым повышает объективность и научность оценки перевода. В то же время его концепции — вполне рабочие, они дают основание для оценки поэтического перевода. Здесь мы используем эти концепции, выдвинутые М. Л. Гаспаровым, чтобы проверить, насколько перевод следует оригиналу.

Прежде всего, мы рассмотрим оба перевода, исходя из «показателя вольности». В переводе Б. А. Васильева добавлено четыре слова (они выделены подчеркиванием), выпущено одно слово (в оригинале подчеркнуто волнистой линией), недостаточно точный перевод — в одном месте (*изедун*, 街东 — «здесь»), то есть в шести местах есть расхождения с оригиналом. Следовательно, соотношение с 26 знаменательными словами перевода составляет $6 : 26 = 23\%$, где «показатель вольности» — 23%, а «показатель точности» — 75%. В переводе Л. З. Эйдлина добавлено четыре слова, недостаточно точно переведено одно слово (*изедун*, 街东 — также «здесь»), то есть — пять мест; использованных знаменательных слов тоже равно 26, т. е. $5 : 26 = 19\%$, где «показатель вольности» — 19%, а «показатель точности» — 80%. Отсюда видно, что переводы Васильева и Эйдлина выполнены на одном уровне, и если сравнивать, то перевод Эйдлина чуть более точен, в особенности первые три строки, однако он отказался от рифмовки в конце строки, а в переводе Васильева есть рифма, рифмуются слова, оканчивающиеся на *-bi*, *-ть*, и рифма — *aabb*. Если судить таким образом, у обоих переводов есть чему поучиться.

В поэме Бо Цзюйи «Пипа» («Лютня») есть много замечательных строк. Проанализируем четыре из них:

Оригинал	Перевод Ю. К. Щуцкого
别有幽愁暗恨生，	<i>И сам я в себе <u>ощущаю</u> рождение</i>
此时无声胜有声。	<i>Тоски и печали в тумане.</i>
.....	<i>В такую минуту отсутствие пенья</i>
同是天涯沦落人，	<i>Сильнее, чем пенье, <u>ранит</u>.</i>
相逢何必曾相识。	<i>Когда такие забытые люди</i>
.....	<i>За <u>гранью</u> небесного круга</i>
同是天涯沦落人，	<i>Сойдутся, то разве <u>помехою</u> будет,</i>
相逢何必曾相识。	<i>Что прежде не знали друг друга?</i>
Оригинал	Перевод Л. З. Эйдлина
别有幽愁暗恨生，	<i>А в нем притаившаяся печаль,</i>
此时无声胜有声。	<i>невысказанная досада.</i>
.....	<i>Да, это молчание в этот миг,</i>
同是天涯沦落人，	<i>пожалуй, сильнее звучанья...</i>
相逢何必曾相识。	<i>Ведь я ей сродни: мы у края небес</i>
.....	<i>затеряны и забыты.</i>
同是天涯沦落人，	<i>И мы повстречались; так нужно ли нам</i>
相逢何必曾相识。	<i>заранее знать друг друга!</i>

Мы также следуем вышеописанному методу, чтобы получить следующее соотношение: «показатель вольности» перевода этих четырех строк у Ю. К. Щуцкого достигает 40 %, а у Л. З. Эйдлина — 10 %. С точки зрения следования оригиналу перевод Эйдлина более точен. Н. И. Конрад критиковал Ю. К. Щуцкого за самый неудачный перевод поэмы «Лютня»: «Если в коротких восьмистишиях пропуск слогов на фоне общей структуры стиха воспринимается как поэтический прием, то здесь — в поэме, представляющей собой замкнутое и обособленное целое, этот пропуск, не упорядоченный и очень частый (на 176 строк — 18 с пропуском одного слога), нарушает во всем остальном правильный и однородный ритм и создает впечатление невыдержанности размера и плохих стихов вообще... Искусство, показанное Ю. К. Щуцким в коротких стихах, заметно падает с переходом его к переводу большой поэмы» [4, с. 591]. В. М. Алексеев дал свою оценку переводу Л. З. Эйдлиным стихотворений Бо Цзюйи: «На русском языке стихотворения Бо издавались не раз, но такого сборника и в таком переводе, который в большой степени соединяет в себе достоинство верности оригиналу с очарованием поэтической передачи, еще не было... Данная работа Л. Эйдлина непрестанно свидетельствует о возможности соединения точности с художественностью» [5, с. 102]. Разумеется, наставник Эйдлина не только высоко оценивал положи-

тельные стороны своего ученика, но и резко критиковал недостатки: «Особенное же неудобство доставляет нарушение ритмов и размеров, на которых, за неимением рифмы, построен весь перевод: нельзя заставлять читателя спотыкаться по прихоти переводчика». Хотя в переводе Эйдлина не используется рифма, но его верность оригиналу несомненна, а работа была настолько популярна, что через год ее переиздали.

Перевод Л. З. Эйдлина положил начало изданию сборников отдельных поэтов, переведенных китаеведами, и в то же время стал признаком возрождения русских исследований китайской классической поэзии после страха и молчания 1920–1930-х годов. Академик РАН Б. Л. Рифтин (1932–2012) однажды откровенно сказал, что если ему надо сослаться на перевод, то он в первую очередь выбирает перевод Л. З. Эйдлина. Место Льва Залмановича и его произведений в истории российских переводов китайской классической поэзии неоспоримо.

На самом деле русский поэт В. Ф. Перелешин (1913–1992) тоже переводил поэму Бо Цзюйи «Лютня». В 1970 г. он опубликовал свой перевод в сборнике китайской классической поэзии «Стихи на веере». Рассмотрим его перевод.

Оригинал:

Перевод В. Ф. Перелешина

冰泉冷涩弦凝绝，
凝绝不通声暂歇。
别有幽愁暗恨生，
此时无声胜有声。

…… ……
同是天涯沦落人，
相逢何必曾相识。
我从去年辞帝京，
谪居卧病浔阳城。

*Вода в ручье холодная, и струны застывают,
И в паузе безмолвствует застывшая струна.
Тоска и к жизни ненависть так тяжелы бывают,
Что нам понятней музыки вещает тишина.*

*Две жертвы одинокие печальных приключений,
Мы на мгновенье встретились — зачем и почему?
Уж год живу изгнанником я в жалком Циньянчэне.
Больной от одиночества, ненужный никому.*

В переводе ясно видно, что В. Ф. Перелешин не использовал метод перевода, которому следовало большинство китаеведов, — переводить одну строку стихотворения двумя строками русского текста; у него русская строка соответствовала китайской. Он не одобрял перевод в две строки: «Удвоявать число строк мы не хотели: миниатюра — это особый жанр, обладающий подчас неотразимым очарованием, которое исчезает, если миниатюра станет многословной. Четыре строки или восемь строк — разница огромная» [6, с. 5]. Из текста перевода видно, что поэт уделяет большое внимание ритму и выбирает ямб. Строку из семи иероглифов он переводит в среднем четырнадцатью слогами, минимум — тринадцатью, максимум — пятнадцатью, и все переведены ямбом. Перелешин впервые объяснил принципы перевода так: «Почти все “ши” переведены одним размером — ямбом, пятистопным для стихов по пять иероглифов в строке и шестистопным для стихов по семь иероглифов» [6, с. 5]. Что касается еще одной важной особенности китайской классической поэзии — рифмы, то поэт настаивает на обязательном отражении этой черты. Судя по его переводам, все строки

рифмуются, а стиль рифмовки относительно гибкий, иногда это — перекрестная рифма, иногда — смежная. Сами переводы и методы перевода Перелешина были признаны учеными как в Китае, так и за рубежом. Профессор Гу Юй из Нанькайского университета дал высокую оценку переводам В. Ф. Перелешина, полагая, что некоторые из них выполнены даже лучше, чем у В. М. Алексеева. Перевод и метод перевода Перелешина представляют еще один метод перевода китайской классической поэзии в русском китаеведении. Он стал дополнением методов перевода помимо научной школы Алексеева. Отсюда следует, что изучение методов перевода китайской поэзии российскими синологами принесло выдающиеся результаты.

3. ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БО ЦЗЮЙИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В 2016 г. вышла антология танской поэзии «Три вершины, семь столетий. Антология лирики Китая», стихи были отобраны и отредактированы Гу Юем, а переведены С. А. Торопцевым (род. 1940), среди прочих приводились переводы десяти стихотворений Бо Цзюйи: «За вином», «Песнь о вечерней реке», «Могила Ли Бо», «Осенняя рефлексия», «И цветы — не цветы», «Ода о прощании на древней равнине», «Осенние мысли в пути», «Монастырь милосердия», «Весенняя прогулка вдоль озера Цяньтан», «Вопрошаю дружище Лю». Переводы С. А. Торопцева всегда славилась своей точностью и поэтичностью. В 2018 г. А. И. Кобзев (род. 1953) и Н. А. Орлова (род. 1974) опубликовали статью «Жизнь и поэзия Бо Цзюй-и» в сборнике «Общество и государство в Китае» ИВ РАН; в статье были приведены переводы ста четверостиший Бо Цзюйи, например: «За Сюэ Тая скорблю по его умершей жене», «За вином повторно задерживаю Мэн-дэ», «Окно на озере», «первое полнолуние в монастыре Сяншань», «В болезни подношу южному соседу просьбу о вине» и т. п. В 2019 г. они опубликовали статью «Биография Бо Цзюй-и и ее отражение в ста четверостишиях (*цзюэ-цзюй*) второй половины его жизни», в ней также приведены переводы ста четверостиший Бо Цзюйи. Все эти двести стихотворений ранее были переведены Л. З. Эйдлиным, но некоторые из них содержались в его кандидатской диссертации «Четверостишия Бо Цзюй-и» и не были опубликованы. Для того, чтобы читателю было удобно проводить сравнение, переводчики в примечаниях приводят перевод Эйдлина или источник. Выше мы уже сравнивали перевод Л. З. Эйдлина, теперь сравним переводы С. А. Торопцева и Н. А. Орловой. Они оба перевели стихотворение Бо Цзюйи «Храм Завещанной Буддой любви» («В храме милосердия»).

Оригинал	Перевод С. А. Торопцева	Кол-во слогов
遗爱寺	<i>Монастырь милосердия</i>	
弄石临溪坐,	<i>Сажу ль на камне у ручья,</i>	8
寻花绕寺行。	<i>Брожу ли в поисках цветов.</i>	8

时时闻鸟语，	Повсюду птичек слышу я,	8
处处是泉声。	Везде журчанье родничков.	8

Перевод Н. А. Орловой Кол-во слогов

<i>Храм Завещанной Буддой любви</i>	
<i>Сижу у ручья, забавляясь камнями,</i>	12
<i>Брожу возле храма, любясь цветами,</i>	12
<i>Всчасно я слышу пичуг щебетанье,</i>	12
<i>И всюду ручья раздаётся звучанье.</i>	12

С. А. Торопцев использовал четырехстопный ямб, количество слогов в одной строке в основном одинаковое, а рифма — перекрестная (abab). У Н. А. Орловой использован четырехстопный амфибрахий, в каждой строке — по 12 слогов, также есть рифма — смежная (aabb). Если судить по тому, как переводчики следуют оригиналу, то у Торопцева отсутствуют такие образы, как 弄 (нун), 寺 (сы), 行 (син), 语 (юй), а у Орловой отлично переданы все образы. Можно сказать, что это стихотворение очень удачно ей переведено. Однако есть еще одно поризведение Бо Цзюйи, который переводили и С. А. Торопцев и Н. А. Орлова, — «Цветы не цветы», которое ранее переводил и Л. З. Эйдлин. Орлова использует четырехстопный анапест, количество слогов в каждом предложении — 13, 13, 12, 12, со смежной рифмой соответственно -же, -ов. Автор данной статьи полагает достаточно удачным перевод Н. А. Орловой следующей строки: 春来如梦几多时 (Чунь лай жу мэн цзи до ши) — «Ты придешь сном весенним — на сколько часов?» У Эйдлина она переведена как «Приходит подобно весеннему сну, на сколько быстрых часов», а у Торопцева — «Долго ль длиться весенним несбыточным сном?». Из приведенного выше анализа видно, что перевод Н. А. Орловой более верен оригиналу; используя меньшее количество слов, она почти идеально передает смысл недолгого времени, и ее перевод рифмуется со следующей строкой «Ускользнешь Девой-Тучкой — не сыщешь следов»; в переводе сохраняются ключевые элементы древней китайской поэзии.

Перевод, выполненный Н. А. Орловой, показывает, что российские ученые продолжают изучать китайскую поэзию, что способствует поиску идеального перевода произведений Бо Цзюйи. Переводчица надеется на то, что «раскрытие мощного поэтического и философского потенциала этого лаконичного жанра, доведенного Бо Цзюйи до совершенства, позволит ему стать для российского читателя в один ряд с завоевавшими большую популярность персидскими *рубаи* и японскими *хокку* и *танка*» [7, с. 574]. Стихотворный перевод показывает, что Орлова отлично освоила правила русской и китайской поэзии и успешно применяет их на практике. «Сборник производит самое благоприятное впечатление... За его создание Н. А. Орлова удостоилась 29 мая 2018 г. престижной премии Посольства КНР в РФ на Третьем конкурсе переводов китайской литературы “Вдумчиво всматриваемся в Китай”» [8, с. 238].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из вышеприведенного анализа видно, что в России уделяется особое внимание переводам произведений Бо Цзюйи. В советское время оформились несколько методов перевода его стихов, в том числе дословный, поэтический, творческий. В современной России эта традиция перевода стихотворений китайского поэта была продолжена. В целом российские китаеведы делают особый упор на изучение просодии в переводах поэзии Бо Цзюйи. Во-первых, они уделяют внимание рифме в переводе. Большинство переводчиков выступают за использование рифмы, за ее воспроизведение при переводе, однако Л. З. Эйдлин всегда отвергал рифму. Во-вторых, на проблему ритма в русском переводе обращают внимание абсолютно все без исключения китаеведы, потому что его наличие или отсутствие на самом деле и составляет существенное отличие поэзии от прозы. В большинстве случаев они используют дактиль или амфибрахий, а также варианты трехсложной стопы и ямба. В-третьих, так как поэтический ритм тесно связан со стихотворной строкой, то этому важному фактору они также уделяют особое внимание. Китаеведы полагали, что в коротких строках заключается очарование стихов Бо Цзюйи, поэтому были против добавления строк в переводе.

Основная цель российских китаеведов при переводе поэзии Бо Цзюйи, как и китайской классической поэзии в более широком смысле, заключается, с одной стороны, в постоянном исследовании роли китайской поэзии в развитии мировой литературы, а с другой стороны, китаеведы изучают китайскую классическую поэзию с целью обогащения литературы собственной страны и для написания истории переводов.

Литература

1. Чуваков В. Н. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992.
2. Кобзев А. И., Орлова Н. А. Жизнь и поэзия Бо Цзюйи // Общество и государство в Китае. Т. XLVIII, ч. 2. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018. С. 640–737.
3. 版科夫斯卡娅著, 阎国栋 王培美 岳巍译. 聊斋的朋友与冤家 / 蒲松龄研究. 2004年第2期 [Баньковская М. В. Друзья и недруги Ляо Чжэя [пер. на кит.: Янь Годун, Ван Пэймэй, Юэ Вэй // Исследования Пу Сунлина. 2004. № 2.] (На кит. яз.)
4. Конрад Н. И. Об «Антологии китайской лирики» // Синология. М.: Ладомир, 1995. С. 587–595.
5. Алексеев В. М. Рец. на кн.: Бо Цзюйи. Четверостишия / пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л. З. Эйдлина. М.: Гослитиздат, 1949 // Советская книга. № 5. М.: Акад. наук СССР. 1950. С. 101–105.
6. Стихи на веере: Антология китайской классической поэзии / пер. с кит. В. Ф. Перелешина. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970.
7. Кобзев А. И. О русских переводах Ду Фу и Бо Цзюйи // Общество и государство в Китае. Т. 47, ч. 2. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. С. 558–578.
8. Рубец М. В. Бо Цзюйи. Сто стихов цзюэ-цзюй / пер. с кит. (вэньянь), предисл. и коммент. Н. А. Орловой. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. (Ученые записки ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 25) // Восток. 2018. № 5. С. 232–240.

References

1. Chuvakov V.N. *Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary*. Vol. 2. Moscow, Bolshaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1992. (In Russian)
2. Kobzev A.I., Orlova N.A. The Life and Poetry of Bo Ju-yi. *Society and State in China*. Vol. XLVIII, pt 2. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Press, 2018. P.640–737. (In Russian)
3. Bankovskaya M. V. Friends and Enemies of Liao Zhai [transl. into Chinese by Yan Guodong, Wang Peimei, Yue Wei]. *Research of Pu Songling*. 2004. No. 2. (In Chinese)
4. Konrad N. I. About “Anthology of Chinese lyrics”. *Sinology*. Moscow, Ladomir Publ., 1995. P.587–595. (In Russian)
5. Alekseev V.M. Book review on: “Bo Jui-yi. Quaternary”. Transl. from Chinese, introd. art. and comment. by L. Z. Eidlin. Moscow, Goslitizdat Publ., 1949. *Soviet book*. No. 5. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1950. P. 101–105. (In Russian)
6. *Poems on Fan: An Anthology of Chinese Classical Poetry*. Transl. from Chinese by V.F. Perekleshin. Frankfurt am Main, Posew, 1970. (In Russian)
7. Kobzev A. I. About Russian translations of Du Fu and Bo Ju-yi. *Society and State in China*. Vol. 47, pt 2. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Press, 2017. P.558–578. (In Russian)
8. Rubets M. V. Bo Ju-yi’s Hundred Poems *jue-ju*. Transl. from Chinese (*wenyan*), preface and comment. by N. A. Orlova. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Press, 2017. (Scientific notes of the IOS RAS. Department of China. Vol. 25) // *Vostok*. 2018. No. 5. P. 232–240. (In Russian)

Перевод Е. И. Митькиной